

ОР 613
Т 78

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Подъ редакціей К. С. Шукшинцева.

ВЫПУСКЪ VI.

1900.
ОРЕНБУРГЪ.

Типо-антографія Ив. Ив. Ефимовскаго-Маровичкаго.

Господа попросили показать домъ, гдѣ жилъ Пугачевъ. Бунтова повела ихъ показывать. Домъ этотъ стоялъ на большой улицѣ, на углу, на красной сторонѣ. Теперь это мѣсто казака Михаила Дмитриева Козлова. Онъ былъ на шесть оконъ. Со двора открывается чудесный видъ на Сакмару, озеро и лѣсъ. Сакмара походила совсѣмъ близко ко дворамъ.

Курчавый господинъ похвалилъ мѣсто, говорить — «прекрасное»!

За пѣсни господа дали Бунтовой сколько то денегъ.

Когда я показала рассказчицѣ поясной портретъ Пушкина, она оживилась и сказала: «Онъ самый! только вотъ рукъ не видать, а ужъ очень меня заинтересовали ногти на его рукѣ».

Были ли еще у Бунтовой эти господа, Акулина Тимофеевна не упомянуть, но видѣла, какъ они пошли потомъ отъ Бунтовой внизъ по улицѣ къ Сакмарѣ, а Бунтова возвратилась домой.

Больше рассказчица ничего не упомянуть.

С. Н. Севастьяновъ.

Изъ газеты „Свѣтъ“ № 144 — 1899 г.

Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ Пушкинъ писалъ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виновать и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе. Вотъ что писала о ней одна молодая москвичка, проживавшая въ Оренбургѣ

въ 1833 году и видѣвшая знакомую Пушкину казачку два мѣсяца спустя послѣ того, какъ постилъ ее поэтъ.

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая рассказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы постили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собою бумаги и карандашъ, что бы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она; старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говорить, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка!»—отвѣчала она, проворно слѣзая съ печи и низко кланяясь,—«нечего грѣха таить, моя вина». «Какая же это вина старушка, что ты знала Пугачева»? «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый борода русая, окладистая, ростомъ, не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положить платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его егеря: одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубить, другой—серебряный мечъ, супротивъ виселица, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягнемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на виселицу то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единого,—куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина

молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяць держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подѣ начальствомъ, — такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь. — что же бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили такъ далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, — такъ они сползлисъ, обнялись да такъ и померли».

«Много еще она рассказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, прятали въ сусѣки, просомъ засыпали. Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ рассказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня объ Пугачѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ рассказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это антихристъ». Мы старались ее разувѣрить: «Да и я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, — такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же — дай Богъ ему здоровья! — наградили

меня за рассказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артиковъ; ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня распрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ портретъ: красавица такая написана «Вотъ», говорить, — «она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говорить, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говорить: «Антихристъ! Видѣла кѣти то у него какія. Да и въ писаніи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставлятъ ихъ пѣсни пѣть и деньгами ставить дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «Не бойся», говорятъ: — «это ему самъ государь позволилъ объ Пугачѣ вездѣ распрашивать». Ну, ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

